

В особняке было невероятно шумно — это и так очевидно. Ли Сяньфу заранее догадывался, что сегодня придется много общаться, поэтому после первого короткого появления сослался на недомогание и сбежал к себе в комнату, чтобы спокойно отдохнуть. А вот виновнику торжества, Ли Шаша, повезло куда меньше: куда бы он ни пошел, повсюду оказывался в центре внимания.

Когда пришло время резать торт, Старик Ли специально встал рядом с ним и торжественно представил его всем присутствующим.

— Поскольку раньше ребенок жил за границей, нам так и не удалось устроить для него настоящий праздник, — весело произнес Старик Ли. — Но сегодня наконец выпала такая возможность. Спасибо всем, что нашли время в своем плотном графике и пришли.

— Ну что вы, вы слишком любезны, — тут же послышались одобрительные голоса из толпы.

Среди гостей хватало влиятельных людей. Ли Шаша мысленно охарактеризовал их взгляды как «оценку товара перед покупкой». Очевидно, после слов Старика Ли в этих взглядах прибавилось уважения.

После того как торт был нарезан, наступил черед взрослого светского общения. К Старика Ли вскоре кто-то подошел завязать разговор, и тот погладил Ли Шаша по голове:

— Иди поиграй с друзьями.

Однако Ли Шаша прошел прямо сквозь стайку ребятишек, направляясь к четко намеченной цели — Цинь Цзиню. Остановившись перед ним, он внезапно и без всякой преамбулы вылил на него заученный текст:

— Если кто совершит преступление или проявит верность и добродетель, надлежит передать их...

Цинь Цзинь нахмурился и спросил, чем тот занимается.

— Создаю иллюзию того, что разговариваю с тобой.

Рассчитав, что времени прошло достаточно, Ли Шаша пробубнил еще пару фраз и удалился, держа в руках блюдечко с кусочком торта.

Эта фальшивая беседа, как и ожидалось, привлекла внимание наблюдательных гостей. Хотя в последнее время ходили слухи, будто отношения между Цинь Цзинем и Семейей Ли потеплели, сейчас это выглядело как настоящая дружба — когда вообще видали, чтобы Цинь Цзинь пришел на день рождения к какому-то ребенку?

— Шаша, — к нему подошел одноклассник и с любопытством спросил: — Ты что, хорошо знаком с тем старшим братом?

Понимая, что мальчика подослали родители, чтобы разузнать обстановку, Ли Шаша сдержанно кивнул:

— Конечно, хорошо. Он ведь живет у нас дома.

С этими словами он заботливо отошел в другую сторону, давая ребенку достаточно времени, чтобы тот вернулся и передал сведения.

Он спокойно стоял в сторонке и ел торт. Едва он поставил тарелку, как свет хрустальной люстры над головой на мгновение заслонила чья-то тень, и рядом возникло чужое присутствие.

Ли Шаша поднял голову и, увидев Цинь Цзиня, сам начал объяснять:

— Раньше вы с папой внезапно сблизились, теперь ты живешь у нас и ко мне относишься неплохо. Любой, у кого есть хоть капля мозгов, догадается, что твои отношения с папой весьма непросты.

— ...Подобные сплетни расходятся мгновенно. Скоро папа услышит нечто подобное и от первоначального недоумения перейдет к серьезным размышлениям.

Лишь из уважения к Ли Сянфу Цинь Цзинь сквозь пальцы смотрел на его выходки. Он с ухмылкой качнул головой:

— Столько усилий ради этого... Почему бы тебе самому не пойти и не сказать ему?

— Я говорил. И не один раз.

Еще при первой встрече на помолвке младшего сына семьи Линь Ли Шаша высказывал теорию о безответной любви.

— ...

Ли Шаша:

— Очевидно, мои слова в таких делах не имеют никакой силы.

Хозяин, похоже, уже привык относиться к нему как к настоящему ребенку, так что к некоторым его словам прислушивался лишь формальности ради.

Праздник успешно завершился. Наступившая неделя прошла тихо и безмятежно, однако Ли Шаша был полностью уверен: за неделю сплетни настоятся и вскоре грянет взрыв.

В понедельник, вернувшись из школы домой, он только переступил порог, как услышал низкий голос:

— Как вообще могли появиться такие нелепые слухи?

Ли Шаша притворился, что подошел из любопытства, и обнаружил, что Ли Сичунь тоже здесь.

— Что случилось? — спросил он, зная ответ наперед.

Ли Сянфу пожал плечами и со вздохом ответил:

— Новость о том, что Цинь Цзинь живет у нас, просочилась наружу. Теперь вокруг твердят, будто ты — ребенок Цинь Цзиня и моего брата.

— ... — Ли Шаша с трудом выдавил: — Бред.

— А ведь логика безупречна, — усмехнулся стоявший рядом Ли Сичунь. — Босс переспал с партнером подчиненного, тот тайком родил ребенка и, чтобы скрыть правду и не позорить семью, бессердечно отдал младенца на воспитание младшему брату. Позже правда выплыла наружу, и возлюбленный в гневе расстался с ним после долгих лет отношений. Теперь Цинь

Цзинь хочет признать ребенка, а отец подчиненного, ведомый выгодой, сквозь пальцы смотрит на то, что тот временно живет в особняке и налаживает отношения с его единственным сыном.

— ...А, ну да, и из-за ребенка Цинь Цзинь решил простить младшего брата своего возлюбленного.

В этой истории даже момент его расставания с Гао Сюнем был подобран идеально — аккурат вскоре после того, как Ли Сяньфу вернулся в страну с ребенком. Не будь Ли Сичунь сам участником событий, он и сам бы поверил.

Заслушав это, Ли Шаша будто оцепенел и лишь спустя долгое время спросил:

— А Цинь Цзинь знает?

Ли Сяньфу кивнул:

— Если уж до меня дошли эти слухи, у него тем более нет причин о них не знать.

Заметив невольную скованность Ли Шаша, Ли Сяньфу сочувственно посмотрел на него:

— Что с тобой? Плохо себя чувствуешь?

Ли Шаша покачал головой и с пересохшим горлом позвал:

— Папа.

— А?

— Я хочу уехать из этого города прямо сегодня ночью.

— ...

Примечание автора: Узнав правду, Ли Сяньфу говорит: «Иди сюда, обещаю, на второй год я тебя не оставлю».

Ли Шаша: «...»

Никто не знает сына лучше отца. Практически в то же мгновение, когда Ли Шаша заговорил, в голове у Ли Сяньфу вспыхнула мысль: это дело не обошлось без него.

Он бросил на него выразительный взгляд, и Ли Шаша тут же все понял. Сославшись на то, что нужно делать уроки, он поднялся наверх. Вскоре за ним проследовал и Ли Сяньфу. Едва затворилась дверь комнаты, его лицо мгновенно стало холодным как лед, и он без лишних прелюдий произнес четыре слова:

— Выкладывай как есть.

Столкнувшись с допросом, Ли Шаша забежал глазами, но в конце концов признался:

— Это я пустил слух, что Цинь Цзинь живет у нас.

Не торопясь устраивать разборки, Ли Сяньфу сначала приложил прохладную ладонь к его лбу. Ли Шаша с замешательством поднял голову.

Ли Сяньфу усмехнулся:

— Тебе лучше молиться, чтобы у тебя просто была лихорадка.

Температура оказалась в норме. Картина отцовской любви мгновенно рассыпалась в прах, и Ли Сяньфу доброжелательно улыбнулся:

— Значит, не болен.

Ли Шаша попытался объяснить:

— У него были дурные намерения, а я лишь немного подлил масла в огонь.

— О-о, то есть это взаимовыгодное сотрудничество, а другая сторона заслуженно несет риски слухов?

— ...

И все же Ли Сяньфу интуитивно чувствовал, что Цинь Цзинь здесь почти ни при чем. Идея, планирование и реализация, скорее всего, принадлежали одному и тому же человеку. Он пристально уставился на Ли Шаша:

— Ты так хитро все просчитал, но ради чего?

Ли Шаша задумался, подошел к мольберту, взял кисть и нарисовал раскидистое кривое дерево. Указывая на ветви, он произнес:

— Обычная жизнь выглядит вот так.

Есть главное направление к небу, но по пути встречается немало развилок.

Он указал на центральную линию дерева:

— А твоя — вот так.

Спокойная и прямая линия, не допускающая ни малейшего отклонения от курса.

Используя образ для описания человека, Ли Шаша подытожил:

— По сути, это мало чем отличается от нашей прежней жизни в Стране Матриархата.

Сейчас в кругу общения Ли Сяньфу не было никого, к кому бы он относился искренне. Стоило ему набрать немного популярности на шоу, как он тут же сам загасил интерес к себе. Завоевав награду по рисованию, он не собирался развиваться в этом направлении, а когда волна увлечения вышивкой прошла, его повседневная жизнь окончательно лишилась социальных контактов.

Ли Шаша нанес сокрушительный удар:

— Готов поспорить, в последнее время папа целыми днями сидит дома в одиночестве.

— ...

Попал в точку: даже Старик Ли проводил вне дома больше времени, чем он.

Ли Шаша, будучи великим теоретиком, выдал весьма объективный анализ:

— Неменяющийся образ жизни — это неплохо, но время от времени требуется свежесть.

Ли Сяньфу приподнял бровь:

— С чего ты взял, что этой «свежестью» должен быть именно Цинь Цзинь?

— Если не подойдет, всегда можно поменять.

— ...

Оставив попытки исправить прагматизм Системы, Ли Сяньфу подошел к подоконнику полить цветы. Он долго разглядывал капельки воды на сочно-зеленых листьях, после чего неторопливо произнес:

— Надеюсь, мой легендарный «зять» тоже оценит твои благие намерения.

Спокойствие Ли Шаша как рукой сняло, и он с надеждой проговорил:

— Папа, я могу пойти по твоим стопам и уехать учиться за границу.

Ли Сяньфу, услышав это, неожиданно согласился и великодушно кивнул:

— Там тебе тоже понадобится опекун, так что я свяжусь с моей мамой.

Но в то же мгновение, когда он собрался повернуться, Ли Шаша остановил его:

— Лучше не надо.

Очевидно, госпожа Тао Хуайсю оставила в его душе глубокую детскую травму.

Тук-тук.

Раздалось два четких стука в дверь.

Ли Шаша рефлекторно выпрямился и с некоторой настороженностью спросил:

— Это Цинь Цзинь пришел призывать к ответу?

Ли Сяньфу одарил его взглядом в духе «раньше надо было думать», оторвался от дела и пошел открывать дверь.

К счастью, за дверью стоял Ли Сичунь. Его слишком длинные волосы были собраны в пучок, отчего сам он выглядел куда более бодрым. Ли Сяньфу подумал, что тот пришел обсудить опровержение слухов, но Ли Сичунь, похоже, не придавал этому особого значения и находился в отличном расположении духа:

— Только что пришла новость: Доктора Нортон избили и отправили в больницу.

Ли Сяньфу обомлел.